

2017

Я СОБИРАЮСЬ НА РАБОТУ. Пост провисел уже восемь часов. Завивая волосы, я обновляю страницу. Уже 224 репоста и 875 лайков. Надеваю черный шерстяной костюм; снова обновляю. Достаю из-под дивана черные балетки; обновляю. Пристегиваю к лацкану жакета позолоченный бейдж; обновляю. С каждым разом числа растут, а комментарии становятся все больше.

«Ты такая сильная».

«Ты такая храбрая».

«Только конченный урод может так поступить с ребенком!»

Я открываю последнее сообщение, которое отправила Стрейну четыре часа назад: «Ну ты в порядке или?..» Он не прочел его, не ответил. Я печатаю еще одно: «Если захочешь поговорить, я здесь». Потом, передумав, стираю и отправляю выразительную строчку вопросительных знаков. Выждав несколько минут, я набираю его номер, но попадаю на автоответчик. Так что я засовываю мобильник в карман, выхожу из квартиры и захлопываю за собой дверь. Не обязательно лезть из кожи вон. Он заварил эту кашу. Это его проблема, не моя.

На работе я сижу за стойкой консьержа в углу гостиничного лобби и даю постояльцам рекомендации, куда сходить и какие блюда попробовать. Высокий сезон подходит к концу, немногочисленные туристы

еще иногда приезжают, чтобы полюбоваться на листву, но вскоре Мэн закроется на зиму. С неизменной натянутой улыбкой я бронирую столик в ресторане для пары, отмечающей первую годовщину свадьбы, и отдаю распоряжение, чтобы по возвращении в номере их поджидала бутылка шампанского, — красивый жест, который обеспечит мне щедрые чаевые. Я заказываю машину, чтобы семью наших клиентов отвезли в аэропорт. Мужчина, который каждый второй понедельник бывает в городе по рабочим делам и останавливается у нас в отеле, приносит мне три грязные рубашки и спрашивает, нельзя ли вернуть их из химчистки к утру.

— Я устрою, — говорю я.

Мужчина ухмыляется, подмигивает:

— Ванесса, ты лучше всех.

В перерыве я сижу в пустой кабинке в подсобке, пялюсь в телефон и ем вчерашний сэндвич, оставшийся после какого-то мероприятия. Как одержимая, я снова и снова проверяю пост в Фейсбуке. Мои пальцы движутся сами по себе, глаза скользят по экрану и обнаруживают все больше лайков и репостов, десятки комментов: «ты такая бесстрашная», «заставь мир услышать твою историю», «я тебе верю». Прямо пока я читаю, всплывает многоточие — кто-то печатает комментарий в эту самую секунду. Как по волшебству, появляются новые слова поддержки и ободрения, и я швыряю телефон через стол и выбрасываю остатки зачерствевшего сэндвича в мусорную корзину.

Я уже собираюсь вернуться в лобби, когда телефон начинает вибрировать. Входящий звонок — Джейкоб Стрейн. Отвечая, я издаю смешок от облегчения, что он жив, что он звонит.

— Как ты?

На миг повисает мертвая тишина, и я замираю, остановив взгляд на окне, выходящем на Монумент-сквер, осеннюю фермерскую ярмарку и кафе на колесах. Стоит начало октября, осень в разгаре, и все в Портленде выглядит, словно глянцевый каталог: круглые тыквы и горлянки, бутылки с яблочным сидром. Женщина в клетчатой фланелевой рубашке и резиновых сапогах идет через площадь, улыбаясь младенцу в слинге у себя на груди.

— Стрейн?

Он тяжело вздыхает:

— Полагаю, ты видела.

— Да, — говорю я. — Я видела.

Я не задаю вопросов, но он все равно пускается в объяснения. Говорит, школа начинает внутреннее расследование и он готовится к худшему. Его, скорее всего, вынудят уволиться. Он сомневается, что протянет до конца учебного года, а может, уйдет еще до рождественских каникул. Звук его голоса вызывает у меня столь сильное потрясение, что я едва понимаю, о чем он. В последний раз мы говорили много месяцев назад: когда мой папа умер от сердечного приступа, меня охватила паника и я сказала Стрейну, что больше так не могу. Внезапный припадок добродетельности, которые у меня регулярно случаются после очередного косяка — потери работы, расставания с парнем или нервного срыва, — как будто, став паинькой, можно задним числом исправить все, что я разрушила.

— Но они уже проводили расследование, когда она была твоей ученицей, — говорю я.

— А теперь проведут еще раз. Всех опрашивают заново.

— Если в прошлый раз они решили, что ты ни в чем не виноват, с чего бы они передумали сейчас?

— Ты что, новости не смотришь? Времена меняются.

Мне хочется сказать, что он принимает ситуацию слишком близко к сердцу, что все будет в порядке, раз он невиновен, но я знаю, что он прав. В последний месяц атмосфера стремительно накалялась: одна за другой женщины начали обвинять мужчин в приставаниях и сексуальных домогательствах. До сих пор под удар попадали главным образом знаменитости: музыканты, политики, кинозвезды, — но разоблачения не избежали и некоторые менее известные мужчины. Вне зависимости от социального положения, обвиняемые реагируют одинаково. Сначала они все отрицают. Затем, когда становится ясно, что обвинения не утихнут сами собой, они с позором увольняются с работы и делают публичное заявление, в котором в расплывчатых выражениях извиняются, при этом не признавая своей вины напрямую. И наконец, последний шаг: они затихают и исчезают из виду. Просто невероятно день за днем наблюдать, с какой легкостью эти мужчины повергаются в прах.

— Все должно обойтись, — говорю я. — Все, что она написала, — ложь.

Стрейн на другом конце провода со свистом втягивает в себя воздух.

— Не уверен, что она лжет. Это вопрос формулировок.

— Да ты ведь к ней едва притронулся. А она пишет, что ты ее физически домогался.

— Домогался, — презрительно хмыкает он. — Домогательством можно назвать что угодно. Так же, как рукоприкладство может означать, что ты схватил человека за запястье или толкнул его плечом. Это бессмысленный юридический термин.

Я смотрю в окно на толчею на фермерской ярмарке, на стаи чаек. Продавщица еды снимает крышку с металлической кастрюли, выпуская облако пара, и достаёт два тамале.

— Знаешь, на прошлой неделе она мне написала.

Секундное молчание.

— Вот как?

— Спрашивала, не хочу ли я тоже выступить публично. Наверное, решила, что все будет выглядеть правдоподобнее, если она и меня впускает.

Стрейн молчит.

— Я не ответила. Естественно.

— Ну да, — говорит он. — Разумеется.

— Я думала, она блефует. Не ожидала, что у нее хватит духу. — Я наклоняюсь, прижимаюсь лбом к оконному стеклу. — Все обойдется. Ты же знаешь, я на твоей стороне.

И при этих словах он выдыхает. Так и вижу улыбку облегчения на его лице, морщинки в уголках глаз.

— Этих-то слов мне и не хватало, — говорит он.

Вернувшись за стойку, я захожу на Фейсбук, ввожу в строку поиска «Тейлор Берч», и на экране появляется ее страница. Я проматываю немногочисленные открытые публикации, в которые тщательно вчитывалась годами, фотографии и статусы, и возвращаюсь к верхнему посту — о Стрейне. Числа продолжают расти — уже 438 репостов, 1800 плюс новые комментарии, все как под копирку.

«Ты вдохновляешь».

«Восхищаюсь твоей силой».

«Не позволяй заткнуть себе рот, Тейлор».

Когда мы со Стрейном познакомились, мне было пятнадцать, а ему сорок два — почти идеальная разница в тридцать лет. Такой она мне тогда казалась — идеальной. Мне нравилась ее гармоничность: он был втрое старше меня, и так легко было представить, как я трижды помещаюсь у него внутри: одна я свернулась вокруг его мозга, другая — вокруг сердца, третья — превратилась в жидкость и бежит по его венам.

По его словам, в Броувике романы между учителями и ученицами были не редкостью, но с ним такого не случалось: до меня у него никогда не возникало подобного желания. Я была первой школьницей, которая вызвала у него подобные мысли. Было во мне что-то особенное — ради меня стоило рискнуть. Я обладала особым притягательным очарованием.

Моя молодость для него не имела значения. Главным образом ему нравился мой внутренний мир. Он говорил, что у меня эмоциональный интеллект гения, что я пишу, как вундеркинд, что он может со мной разговаривать, может мне довериться. Что во мне таится мрачный романтизм — такой же, как и в нем самом. До меня никто не понимал темные закоулки его души.

«Такой уж я невезучий, — сказал он однажды. — Нашел наконец-то родственную душу, а ей пятнадцать лет».

«Раз уж ты заговорил об удаче, — парировала я, — поставь себя на мое место: тебе пятнадцать, а твоя родственная душа — какой-то старикан».

После моих слов он взглянул мне в лицо, чтобы убедиться, что я пошутила. Ну конечно, это была шутка. На своих прыщавых, усыпанных перхотью

ровесников я и смотреть не хотела. Они бывали такими жестокими! Смотрели на девочек, как на конструктор, оценивали части наших тел по десятибалльной шкале. Я была создана для другого. Мне нравилась взрослая осмотрительность Стрейна, его неторопливые ухаживания. Он сравнивал мои волосы с кленовой листвой, давал мне почитать стихи — Эмили, Эдну, Сильвию. Благодаря стараниям Стрейна я увидела себя его глазами — увидела девушку, способную «восстать из праха с рыжею копной волос и пожрать его, как воздух». Он так сильно любил меня, что иногда, когда я выходила из кабинета, садился на мое место и клал голову на парту, пытаясь вдохнуть оставшийся после меня запах. И все это еще до нашего первого поцелуя. Он обращался со мной бережно. И так старался поступать правильно.

Легко назвать точный момент, когда все началось: я вошла в его озаренный солнцем класс и впервые почувствовала, как он впивается в меня глазами. Куда сложнее определить, когда все закончилось — если, конечно, все действительно закончилось. По-моему, все прекратилось, когда мне было двадцать два и он сказал, что ему нужно взять себя в руки и он не может жить нормально, пока я рядом. Однако в последние десять лет мы продолжали созваниваться среди ночи, заново проживать прошлое и посыпать солью рану, которой не позволяли зарубцеваться.

Думаю, именно ко мне он обратится за поддержкой лет через десять-пятнадцать, когда его здоровье начнет сдавать. Кажется, это самое правдоподобное окончание нашей истории любви: я, преданная как собака, бросаю все и спешу услужить, а он берет, берет и берет.

Выйдя с работы в одиннадцать, я иду по безлюдным центральным улицам. Каждый квартал, который я прохожу, не взглянув на пост Тейлор, я считаю личной победой. Дома я все еще не смотрю на телефон. Я вешаю в шкаф рабочий костюм, умываюсь, выкуриваю косяк в постели и выключаю свет. Самоконтроль.

Но в темноте от прикосновения простыней к ногам что-то начинает глодать меня изнутри. Меня вдруг переполняет голод — мне нужно, чтобы меня обнадежили, чтобы он прямо сказал, что, конечно же, не делал того, о чем говорит эта девушка. Мне нужно, чтобы он повторил, что она лжет, что она была лгуньей десять лет назад и так ею и осталась, что ее просто заморозил статус жертвы.

Он берет трубку после первого же гудка, словно ждал моего звонка.

— Ванесса.

— Прости. Знаю, что поздно. — И я замолкаю, не зная, как попросить о том, чего я хочу. Мы так давно этого не делали. Мой взгляд блуждает по темной спальне, выхватывает из темноты очертания открытой дверцы шкафа, тень уличного фонаря на потолке. В кухне гудит холодильник, капает вода из крана. Стрейн у меня в долгу. За мое молчание, за мою преданность.

— Я быстро, — говорю я. — Всего несколько минут.

Шелестят простыни: он садится в постели, переключает телефон от одного уха к другому, и на секунду мне кажется, что он скажет нет. Но потом, полшепотом, который превращает мои кости в молоко, он начинает рассказывать мне, какой я была когда-то:

— Ванесса, ты была молода и лучилась красотой. Ты была юной, чувственной и такой живой, что я боялся тебя как чумы.

Я переворачиваюсь на живот и кладу между ног подушку. Я прошу его воссоздать какое-нибудь воспоминание, момент, в котором найдется место для меня. Он молчит, перебирая в памяти эпизоды из нашей жизни.

— В кабинете за аудиторией, — говорит он. — Стояла середина зимы. Ты лежала на диване, твою кожу покрывали мурашки.

Я закрываю глаза и переносюсь в тот кабинет. Белые стены и блестящий паркет, стол со стопкой еще не проверенных контрольных, колючий диван, шипящий радиатор и одно-единственное окно — восьмиугольное, со стеклом цвета морской волны. Пока он ласкал меня, я не сводила взгляда с этого окна и будто оказывалась под водой. Мое тело становилось невесомым, его покачивало течением, и мне было безразлично, где дно, а где поверхность.

— Я целовал тебя, там внизу. Ты кипела в моих руках. — Он тихонько усмехнулся. — Так ты это называла. «Заставь меня вскипеть». Какие забавные выражения ты придумывала. Ты была такой стеснительной. Ненавидела все это обсуждать, хотела, чтобы я просто взялся за дело. Помнишь?

Нет, не совсем. Многие мои воспоминания о том времени смутные, обрывочные. Мне нужно, чтобы он заполнил пробелы, хотя иногда девушка, которую он описывает, кажется совершенно незнакомой.

— Тебе сложно было сдерживать стоны, — говорит он. — Ты закусывала губу, чтобы не закричать. Помню, однажды прикусила губу до крови, но не позволила мне остановиться.

Я прижимаюсь лицом к матрасу, трусь о подушку, в то время как его слова наводняют мой мозг, переносят меня из моей постели в прошлое, где мне

пятнадцать лет и я лежу раскинувшись на диване в его кабинете, обнаженная ниже талии, где я дрожу, горю, а он стоит на коленях у меня между ног, не сводя глаз с моего лица.

«Боже, Ванесса, твоя губа, — говорит он. — У тебя кровь».

Я качаю головой, вцепляюсь пальцами в подушки. Все нормально, продолжай. Просто покончи с этим.

— Ты была такой ненасытной, — говорит Стрейн. — А каким упругим было твое тело.

Кончая, я тяжело дышу через нос, а он спрашивает, помню ли я, что чувствовала. Да, да, да. Помню. Чувства всегда были моим якорем — то, что он со мной делал, как я извивалась в его объятиях и просила еще и еще.

Я хожу к Руби восемь месяцев — с тех пор, как умер папа. Сначала она помогала мне справиться с утратой, но потом мы стали все больше обсуждать мою маму, моего бывшего парня, мою неудовлетворенность работой, неудовлетворенность вообще всем. Даже несмотря на скользящую шкалу Руби, это транжирство — отдавать пятьдесят баксов в неделю только за то, чтобы меня выслушали.

Ее кабинет — комната с двумя креслами, диваном, журнальными столиками, на которых стоят коробки с салфетками, и мягким освещением — находится в паре кварталов от отеля. Окна выходят на залив Каско: видно кружащих над рыбацкими пирсами чаек, медленные нефтяные танкеры и автобусы-амфибии, с криканьем соскальзывающие в воду и превращающиеся в лодки. Руби старше меня — она годится мне не в матери, а скорее в старшие сестры. У нее темно-русые

волосы, она носит одежду из натуральных тканей. Мне нравятся ее сабо с деревянными каблуками, нравится, как они цокают, когда она ходит по кабинету.

— Ванесса!

А еще мне нравится, как она произносит мое имя, когда открывает дверь. Как будто она рада, что на пороге оказалась я, а не кто-нибудь еще.

На этой неделе мы обсуждаем мои планы на грядущие праздники: скорее всего, я поеду в родительский дом — впервые с тех пор, как не стало папы. Я боюсь, что мать в депрессии, и не знаю, как поднять с ней эту тему. Мы с Руби придумываем план, проговариваем разные сценарии, вероятные ответы мамы, если я предположу, что ей нужна помощь.

— Думаю, все будет нормально, — говорит Руби. — Главное — отнеситесь к ней с пониманием. Вы двое довольно близки. Вы можете обсуждать и неприятные вопросы.

Это мы-то близки? Я не спорю, но и не соглашаюсь. Иногда я поражаюсь, как легко я ввожу людей в заблуждение. А ведь я даже не специально.

Мне удастся не открывать пост в Фейсбуке до конца сеанса, когда Руби достает телефон, чтобы внести в календарь время нашей следующей встречи. Подняв глаза, она замечает, что я лихорадочно прокручиваю ленту, и спрашивает, не случилась ли какая-то сенсация.

— Дайте угадаю, — говорит она. — Разоблачили очередного абыюзера.

Похолодев, я отрываю взгляд от телефона.

— Спасу нет от этих бесконечных обличений, — печально улыбается она и заговаривает о последней оскандалившейся знаменитости — режиссере, который всю свою карьеру снимал фильмы об издевательствах над женщинами. За кадром он якобы